

A black and white illustration of a Gothic archway leading to a misty forest of bare trees. The archway is highly detailed with intricate carvings and tracery. The forest beyond is dense with tall, thin, leafless trees, their branches reaching out in a desolate, atmospheric setting. The overall mood is mysterious and somber.

Часть первая
Незнакомец

Глава первая

1

Лужи ещё не высохли после вчерашнего дождя. В них отражалось серое небо, а если присмотреться — то и хмурое Виталькино лицо. Погода тоже была хмурая, весенняя, в такую погоду лучше всего сидеть дома, есть чипсы и чатиться с друзьями. Но у Витальки сейчас были другие дела — он дрался с одноклассником.

Сразу за школьным стадионом, где Виталька тренировался в беге по несколько часов каждый день, находилась спортплощадка с тренажёрами и с ржавым баскетбольным кольцом. Вот именно под кольцом, на упругой прорезиненной поверхности, он уворачивался от ударов и пытался ударить сам.

Вообще-то Виталька не собирался драться, но в дело вмешались случайность и глупость — две вещи, которые, как назло, постоянно гуляют вместе.

Дело в том, что на стадионе каждый вечер собирались пацаны и девчонки со школы. Они прятались под пластиковым козырьком на зрительских скамейках, галдели, шумели, что-то там обсуждали и дурачились. Тренировкам не мешали, и ладно. Виталька не обращал на них внимания, да и сам нередко присоединялся, если видел там друзей.

Но сегодня друзей не было, а был одноклассник Димка. Он не хотел учиться и говорил, что сразу после девятого класса сдаст на права и умчит работать дальнобойщиком за тридевять земель.

«Прощай, мама, прощай, папа, привет, приключения!»

Девятый класс подходил к концу, Димка слово держал. Его дневник пестрел двойками и тройками (с двумя пятёрками: по физкультуре и технологии), на уроках он откровенно игнорировал учителей и мешал вообще всем вокруг, а поделаться с ним ничего не могли.

Виталька точно знал, что перед Новым годом Димку поймали в продуктовом магазине, когда он хотел украсть несколько бутылок пепси. Видео с Димкой, который пытается выбежать из

магазина и ударяется лбом о стеклянную дверь, долго обсуждали в школе. Вслух, правда, никто смеяться над Димкой не решался. Он всюду искал драки, словно специально создавал вокруг себя ауру хулигана. Видимо, для этой же цели Димка всюду таскался со старшеклассниками.

Вот и сегодня он пришёл на стадион с Кириллом и Максом из одиннадцатого «Б». Троица сидела на нижней лавочке под козырьком, поставив перед собой банки с газировкой и пакеты с чипсами.

Виталька, как обычно, неспешно отрабатывал бег на две тысячи метров: через две недели у него были районные соревнования. Нужно было тренироваться, тренироваться и ещё раз тренироваться. Хоть в дождь, хоть в жару, как говорится. Районные соревнования хотелось выиграть. Виталька ещё ни разу ничего не выигрывал, постоянно останавливаясь то на четвёртом, то на пятом месте. Даже захудалую бронзу не получалось поймать за хвост — и это было самое обидное. Вроде бы выжимал из себя все соки, отрабатывал технику, наладил дыхание, а всё равно каждый раз находились те, кто уверенно обгонял, причём намного. Виталька злился на самого себя, на тренера, погоду, плохие кроссовки и родителей, которые не сильно-то поддерживали его старания, но злость, как известно, не помогает выигрывать.

Поэтому приходилось после школы идти на стадион и бегать.

Над головой внезапно гроыхнуло, да так, что задумавшийся Виталька сбился с расчерченной дорожки и вильнул в сторону. Под ногами что-то задребезжало: две сбитые банки, крутятся, полетели под лавочки, а носок кроссовки угодил аккурат в раскрытый пакет с чипсами.

— Ну ё-моё!

Димка и два его друга уставились на остановившегося около них Витальку.

— Ты слепой, что ли? — спросил Димка негромко. — Или тебе дорожки мало, дурачок? Ты что натворил-то?

Чипсы были безвозвратно уничтожены Виталькиной кроссовкой. Газировка, пузырясь, впитывалась в покрытие.

Тут бы Витальке извиниться или отшутиться, а ещё лучше как-то исправить ситуацию, но он, в тренировочном запале, ещё не отдышавшийся, с прыгнувшим вверх пульсом после резкой остановки, выпалил:

— Вы зачем это всё здесь расставили? Ресторан, что ли? Тут люди тренируются вообще-то.

Сказал — и сразу пожалел. В классе с Димкой старались не конфликтовать. Он был заядлым драчуном, много лет занимался то карате, то тхэквондо, а последние годы всем рассказывал,

что ходит с папой в качалку. Никто не проверял, но то, что Димка был на голову выше и мускулистее всех пацанов в классе, это факт.

Сожаление промелькнуло в голове стремительно, и Виталька уже было открыл рот, чтобы извиниться, но не успел. Лёгкий на конфликты Димка оказался возле него, взял за ворот футболки, потянул к себе.

— Ты оборзел, что ли? — прошипел он.

— Отвали! — прошипел Виталька в ответ, пытаюсь выкрутить Димкины пальцы и высвободиться. — Расселись тут, тренироваться мешаете. Вадим Димычу скажу, он вас вытурит отсюда в два счёта.

— Да ты на драку нарываешься. Серьёзно? Подраться хочешь?

— А хотя бы и подраться! — Слова вылетали сами собой. Виталька говорил и удивлялся: минутою назад он размышлял о районном соревновании, а сейчас уже готов размахивать кулаками. И откуда такие мысли взялись?

— Ну пошли, вон, к рингу. Выясним отношения, раз такой храбрый.

Рингом как раз и называлась упомянутая баскетбольная площадка возле тренажёрного комплекса. Это место не просматривалось из окон школы, очень удобно, если хотите подраться и не привлечь случайного внимания учителей.

Димка первым направился к площадке. Кирилл и Макс, недобро ухмыляясь, смотрели на Витальку. Кирилл выковырял носком кеда из-под лавочки банку и раздавил её с глухим скрежетом. Над головой снова громыхнуло. Несколько тугих капель упали на лицо. Виталька поднял голову, разглядывая тёмное небо. Эмоции как будто прибило начинающимся дождём.

Зачем ввязался? Почему?

Ответ всё тот же: случайность и глупость. Две неразлучные сестрицы.

На лавочке поодаль, под козырьком, сидела пожилая пара. Лет шестидесяти на вид, похожие на Виталькиных бабушку и дедушку. Оба они, конечно, видели неприятный конфликт, но не вмешались. Старик, поймав Виталькин взгляд, едва улыбнулся и кивнул. Будто поздоровался или одобрял глупый Виталькин поступок.

— Ну что, идёшь или испугался? — спросил Кирилл, всё ещё давящий банку ногой, превращая её в алюминиевую лепёшку.

— Иду, — отозвался Виталька. — Конечно, иду.

Отступить было некуда.

Он быстро догнал Димку. Дождь полил мелкий, колючий, холодный. Старшеклассники предусмотрительно остались под козырьком.

— Может, решим как-нибудь? — спросил Виталька, чувствуя, как холодеет низ живота. Драться он не хотел да и не очень-то умел.

Димка как будто не услышал. Он сказал:

— До первой крови дерёмся. Или до первого выбитого зуба.

— Но это же глупо, из-за чипсов...

Димка ударил без предупреждения, лениво, будто разминался. Кулак угодил Витальке в левую скулу. Перед глазами вспыхнули белые пятнышки, голова дёрнулась. Боль пришла с опозданием.

От следующего удара Виталька уклонился, хотя уже подумывал подставить лицо, чтоб до первой крови, уйти побеждённым, но зато без всей этой мороки. Но уклонился вновь, а потом ещё раз. Потому что надоело проигрывать везде и всюду. Нелепо взмахнул ногой, целясь в живот. Димка легко перехватил выпад, вывернул ногу Витальки так, что больно кольнуло в колене. Виталька взвыл:

— Только не ноги, у меня соревнования!

Как-то жалко вышло. Димка ухмыльнулся, словно понял, что нужно делать, — и тут же ударил по колену ребром ладони. Боль вышла такая, что на глазах у Витальки проступили слёзы. Он выдернул ногу, упал, царапая ладони о мокрое

покрытие. Димка подскочил тут же, ударил кулаком по носу. Сразу что-то тёплое, густое поползло по губам, подбородку.

— Хватит! — крикнул кто-то. — Хватит, молодые люди. Достаточно!

Сквозь слёзы и мельтешащие огоньки перед глазами Виталька увидел спешащего к ним старика в пальто. От дождя его седые волосы сильно намокли и облепили лоб и виски.

— До первой крови, всё по правилам, — сказал Димка, разминая пальцы. — Он сам напросился вообще-то.

Запал у него явно прошёл. Повернувшись к Витальке, Димка осмотрел его, криво ухмыляясь, и молча вернулся под козырёк, к старшеклассникам.

Виталька хотел подняться, но боль в колене рванула, как застёжка молнии, вверх по ноге.

Подошёл старик, присел на корточки. Протянул развёрнутый носовой платок.

— Держите, молодой человек. Зажмите нос.

— Спасибо, не болит.

— Кровь остановить надо. Прижмите... И пойдёмте, от дождя укроемся.

Виталька, подумав, взял платок, прижал. От платка шёл сладковатый запах, будто кто-то обмакнул его в сахарную пудру. Внутри носа болезненно пульсировало.

Старик помог подняться. Кое-как перенося тяжесть с больной ноги на здоровую, Виталька доковылял до лавочки, где сидела старушка. Она суетливо стащила с себя ветхое шерстяное пальтишко, укрыла усевшегося Виталика, протянула пластиковый стаканчик.

— Это что?

— Чай, милый. Из термоса. Сибирские травы. Иван-чай, мать-и-мачеха, для здоровья полезно, да и иммунитет поднимет. Пей, милый, пей. — Голос у старушки был приятный, тихий. Виталька сразу как-то успокоился.

Сделав несколько глотков, он поискал взглядом Димку и компанию, но те уже куда-то испарились.

— Ушли за школу, к парку, — сказал старик, тоже глядя на пустые лавочки вдоль стадиона. — Мы одни здесь.

Под старым пальтишком, которое пахло пылью и влагой, было тепло и уютно. Виталька отпил ещё чаю, плотнее закутался и прижал платок к носу. Шевелиться не хотелось, потому что от каждого движения возникала боль в колене, а следом за ней мысли о соревнованиях через две недели. Это ж надо было вляпаться.

— Каждое воскресенье ходим сюда, — сказала старушка негромко. — Пьём чай, смотрим, как ребяташки в футбол играют. Весело. Кто же знал, что сегодня такое будет. До драки дошло, кошмар!

— Вы же видели, что мы драться идём, — сказал Виталька. — Чего сразу не вмешались?

Прозвучало грубо, но Виталька сейчас злился на всех... хотя больше всего на себя.

Старик ответил:

— Разве надо было вмешиваться? В драку, друг мой, не вмешиваются, пока нет победителя и побеждённого. Если дошло до драки, если два молодых человека не смогли решить спор мирно, то уж будьте любезны решить вопрос таким вот варварским способом. Мальчишеский долг. Дуэль, если хотите.

Виталька представил, будто они с Димкой стоят со старинными пистолетами друг напротив друга, а между ними секунданты-одинадцатиклассники. Грохочет гром, сверкают молнии, весенний дождь хлещет в лицо. Но нет, господа офицеры, не время отступать. Честь нужно защищать до конца... Выглядело комично. Виталька хмыкнул и в два глотка допил остывающий чай. Настроение немного выровнялось, да и кровь из носа больше не шла.

— Спасибо, — сказал он, возвращая пластиковый стаканчик старушке. — Я, пожалуй, пойду.

— На одной ноге? Нет уж, без нас вы никуда не пойдёте, молодой человек! — Старик выудил откуда-то зонт, протянул Виталику. — Проводим. Думаю, вы недалеко живёте.

— Через три дома, вон, красная многоэтажка.

— Ну и прекрасно. — Следом за зонтом старик протянул раскрытую ладонь, густо усеянную нитями морщин. — Меня зовут Сергей Иванович, будем знакомы, молодой человек. Люблю бойцов с крепким характером.

— Я Зинаида Павловна, — улыбнулась старушка.

Виталька пожал руку, назвав своё имя.

— Мы здесь недавно живём, — продолжила Зинаида Павловна. — Хороший у вас район, тихий. На окраине всегда хорошо. Пока не застроили, природа рядом. Речка, лесок, ягоды скоро собирать можно будет. Специально выбирали, чтобы подальше от центра. Как думаете, угадали с выбором?

— Ещё как угадали.

— Значит, будем соседями. А теперь в путь, нечего тут мёрзнуть. — Сергей Иванович помог Витальке подняться.

Втроём они заковыляли через футбольное поле. Дождь стучал по раскрытому зонту, в пальто было тепло и уютно, будто что-то согревало мокрую кожу прямо изнутри, поглаживало, высушивало.

Зинаида Павловна шла рядышком под своим зонтом.

— Я видела, как вы бегаετε, — сказала она. — Тренируетесь?

— Да так... бегаю. Немного. К соревнованиям вот готовлюсь.

— Серьёзные?

— Первенство районов. Шестьдесят два участника. Сто и две тысячи метров. За победу дарят ноутбук, а ещё дают возможность съездить на областные соревнования. С Москвой и Питером посоревноваться.

— Хорошие стремления, молодой человек, — похвалил Сергей Иванович. — Вот только с колёнкой тогда нужно будет что-то делать.

Они вышли за пределы стадиона и теперь направлялись через аллею к домам.

— Заживёт, — сказал Виталька. Правда, без особой надежды. — Там не сильно.

— Кто знает... Зинаида Павловна, между прочим, потомственный врач. Она разные болячки вмиг залечивает. Меня от ревматизма спасала уже раз сто... вы, правда, вряд ли знаете, что такое ревматизм, счастливый молодой человек... но я уверяю, у неё наверняка есть какая-нибудь мазь в запасах, которая ваш ушиб в два счёта вылечит!

— Думаете, за две недели восстановлюсь? — засомневался Виталька.

Зинаида Павловна доброжелательно закивала:

— Осмотрим колено, и я подберу всё, что надо. Недели хватит, чтобы всё выправить.

Они остановились во дворах многоэтажных домов. По тротуарам торопились люди под зонтами.

— Нам направо, вон тот подъезд, где красная машина, — с энтузиазмом произнёс Сергей Иванович. — Решайте, молодой человек, куда идём. Сразу скажу, мне будет очень жаль, если вы из-за этого глупого инцидента с хулиганами лишитесь возможности выступить в соревнованиях. Я и сам в молодости бегал, марафон, сорок два километра. Взял бронзу, между прочим.

Виталька посмотрел налево. Через два квартала был его дом.

Папа точно не обратит внимания на хромоту сына, потому что всё время сидит в ноутбуке за работой. Мама если и заметит, то ограничится каким-нибудь пластырем. Возможно, позвонит бабушке в Красноярск и спросит про мази или компрессы. А потом Виталька отправится в свою комнату, чтобы не мешать. Потому что родители, работающие на удалёнке, больше всего хотят, чтобы им никто не мешал.

— Пойдёмте, — сказал он, — ненадолго, а то мама будет беспокоиться.

Хотелось в это верить, но Виталька знал, что мама заметит его отсутствие, только когда закончится рабочий день, то есть не раньше семи часов вечера.

2

Лариса поняла, что мама сходит с ума.

— Убери математику, — некоторыми вечерами говорила мама, усаживаясь рядом с Ларисой за стол, и клала перед ней раскрытую тетрадь в клеточку. — Нам надо повторить, что ты будешь делать, когда пожиратели грёз ворвутся в квартиру.

Время от времени у мамы случались «приступы», и она начинала верить, что за их семьёй охотятся чудовища из другого мира.

Ужаснее всего, что «приступы» нельзя было предугадать. Вот мама отправляется с утра на работу, вручив Ларисе деньги на школьный обед и составив список покупок к ужину, а вот вечером она уже закрывается в своей комнате, позабыв об ужине и о дочери, и старательно записывает в одну из многочисленных тетрадей очередную инструкцию по убийству чудовищ.

Или рисует шариковой ручкой несуществующего монстра, больше всего похожего на тёмно-синие каракули.

Или пишет в столбик даты, в которые на их двушку в новостройке могут напасть.

Или чертит план побега из реального мира в выдуманный при помощи зеркальца и шарика из фольги.

«Приступы» появились после того, как папа угодил в аварию чуть больше года назад. Со слов мамы, он не справился с управлением и врезался в столб. Несколько месяцев папа пролежал в коме, а потом вроде бы пришёл в себя, но снова провалился в кому — и снова пришёл — и такое его состояние затянулось. Никто не мог предугадать, когда папа придёт в себя, а когда окажется в коме. Врачи разводили руками, а мама тихо и сбивчиво объясняла, что это не страшно, что папа *путешествует*, ему нужно собрать как можно больше грёз и артефактов для спасения семьи.

Примерно в то же время у мамы появились тетради в клеточку, в которые она записывала планы по защите семьи от чудовищ. Она приносила их с собой, когда навещала папу. Если тот был в сознании, мама зачитывала ему куски текстов, походившие на дурные фантастические рассказы.

Тогда-то Лариса и поняла, что мама сходит с ума.

Папа не мог ответить. На лице его застыла маска, и жизнь выдавало только медленное движение больших голубых глаз. Лариса ловила этот взгляд и каждый раз чувствовала в душе смесь грусти и радости. Что ни говори, но папа был рядом. Пусть в таком состоянии, но он слышал, и слушал, и всё ещё мог поправиться. По крайней мере, она надеялась.

Как-то, придя из школы, Лариса обнаружила маму, сидящей на полу в ванной, между стиральной машинкой и раковиной. В руках у неё была самая первая тетрадь в клеточку. Мама торопливо, закусив губу, что-то писала.

Увидев Ларису, она сказала:

— Подойди, родная. Посмотри. Посмотри скорее. Я думаю, тебе уже пора об этом знать.

Она показала Ларисе раскрытую тетрадь. Среди резких каракуль в центре листа проступил размытый чёрный силуэт, больше похожий на кляксу. Подпись под ним была такая: «Пожиратель грёз. Первый. Мужчина. Не разговаривай с незнакомцами».

— Понимаешь, что я хочу сказать? — возбуждённо произнесла мама, покусывая краешек губы. — Не подходи к незнакомцам, не разговаривай. Потому что каждый из них может быть им.

— Кем?

— Пожирателем. — Мама ткнула в рисунок. — Они уничтожили наш старый дом, сожрали всех наших друзей, а теперь выбрали в этот мир и ищут нас. Нас немного осталось, дорогая. Нам надо быть осторожными.

К слову, с того первого разговора где-то в подсознании у Ларисы и отложилось — пожиратели в её снах были похожи на кляксы, небрежно нарисованные шариковой ручкой.

Тот первый приступ прошёл уже на следующее утро. Мама как будто устыдилась своего поступка и не проронила ни слова. Тетрадь пропала. Истории о пожирателях не звучали несколько недель, пока следующий приступ не заставил маму запереться в комнате, откуда она вышла уже с двумя исписанными тетрадями.

— Это будет лучший план побега в нашей жизни! — торжественно сообщила мама, грызя пластиковый кончик ручки.

Именно в ту ночь Ларисе впервые приснился реалистичный кошмар.

Пожирателей в нём не было. Зато был папа, тогда ещё здоровый, который нёс Ларису на плечах. Она вцепилась пальчиками в его шевелюру и звонко кричала: «Но, лошадка! Но, лошадка!», но папа почему-то не смеялся. Он бежал мимо одноэтажных домиков с косыми крышами, по узкой тропинке, в сторону моря. Пахло солью, где-то кричали чайки (иногда Ларисе казалось, что она ни разу в жизни не слышала крики чаек, а только их выдумала). Ещё в обрывках сна она видела маму с двумя шариками из фольги в руках. Шарик были обмотаны нитями, концы которых свисали между пальцев. Мама была испуганная — всегда испуганная. Она бормотала: «Я не знаю, куда бежать сейчас, не знаю...»

Услышав её, Лариса вдруг испугалась. Папины волосы начали выскользывать из пальцев, за них невозможно было удержаться. Лариса поняла, что заваливается назад. А папа бежал, бежал, не замечая. Мимо заборов, лающих собак, брошенных автомобилей, обгоняя других людей. Кто-то испуганно кричал. Где-то что-то оглушительно взорвалось.

Лариса упала, мир кувыркнулся перед глазами — сначала синее небо, потом серая земля, — и приземлилась лицом в пыль.

«Пожиратели! — кричала женщина. — Они рядом! Пожиратели!»

Лариса перевернулась на спину и увидела, что мама и папа успели убежать далеко, так далеко, что их не догнать. Они смешались с бегущей толпой, что внезапно заполонила улицу, и исчезли.

Всё, что от них осталось, — это небольшое овальное зеркальце. Лариса схватила его, зажала в ладошке. Зеркальце сверкало, разбрасывая солнечные зайчики по мостовой.

Потом Лариса почувствовала, что сзади кто-то есть. Кто-то большой, страшный, бесформенный, как клякса. От него пахло тухлой рыбой и пропавшими яйцами. Гнилью. Сырой землёй. Пахло всей мерзостью, которую она могла представить.

Лариса закричала и проснулась, выныривая из первого кошмара. Первого, но, к сожалению, не

последнего. Зеркальце лежало на тумбочке рядом с кроватью, это был мамин подарок на десятилетие. Лариса взяла его и прижала к груди, будто именно зеркальце помогло ей выбраться из того страшного сна.

Сны, как и мамины приступы, продолжались следующий год, а Лариса чувствовала себя застрявшей в лабиринте, из которого нет выхода.

Привычные протоптанные дорожки: школа, мамины приступы, кошмары, больница. Некуда было сбежать и никак нельзя было вырваться.

Как это всегда бывает, о странностях её мамы в школе узнали быстро, и над Ларисой стали посмеиваться, задевать и подкалывать. Тут же приклеилось прозвище: Ведьма. Всем было плевать, что речь шла о каких-то пожирателях, а не о ведьмах.

Ей подбрасывали лягушек в школьный рюкзак, клали дохлых крыс на стулья, а на уроках биологии и химии постоянно приплетали шутки про колдовство и заговоры. Шутили большей частью беззлобно. Лариса старалась не обращать внимания, но вскоре заметила, что почти все подруги постепенно отстранились, вокруг неё создался вакуум, в который иногда врывались те самые дохлые мыши или лягушки. Осталась одна подруга, соседка не только по парте, но и в доме, — Валя Сухих, которая жила этажом ниже.

— Мне плевать, что у тебя там с мамой, — заявила она как-то. — Важно, что ты хорошая подруга. Если будут проблемы дома, не стесняйся и прибегай ко мне, идёт?

Так и договорились. Когда мамины приступы становились совсем уж невыносимыми, Лариса проводила время у Вали. Благо её родители работали до ночи и, видимо, не сильно-то возражали.

К себе в гости Лариса Валию звать опасалась. Мало ли что может учудить мама. Но в конце марта всё же случилось...

Они сидели в Валиной комнате, и Лариса набирала через приложение продукты в магазине с доставкой — мама давно доверила ей оплаты своей карточкой. За окном с обеда накрапывал дождь, погода хмурилась, и выходить на улицу совершенно не хотелось.

— Ты сама себе готовишь? — спросила Валия. — Завидую. Хотя не очень. Всегда есть доставка готовой еды. Или фастфуд. Или микроволновка, в конце концов. Разогрел сосиски — и наслаждайся.

Лариса и сама часто грешила разогретой в микроволновке едой. Но иногда хотелось чего-нибудь домашнего, как раньше. Мама умела готовить вкусные котлеты, например. А какая у неё получалась запеканка!

— Попробую сегодня испечь шарлотку.

— Это которая с яблоками? — присвистнула Валя. — Обожаю. Слушай, хочешь вместе приготовим?

— Ты же сказала, что не любишь.

— Я морально буду помогать, Ларка. Посижу с тобой на кухне. Яблоки, там, нарежу, духовку включу, посплетничаем о пацанах из класса. Димку видала без футболки, прикинь. Он после физкультуры вчера стянул, пока в раздевалку шёл. А там мышцы одни! Мускулатура!.. Тебе, наверное, страшно в квартире, когда там мама в таком состоянии?

Раньше они ни разу не разговаривали о Ларисиной маме. Валя всё понимала без слов, а Лариса была не из тех, кто делится откровениями. Вот и сейчас она неопределённо шевельнула плечом.

— Ну, если хочешь помочь...

— Конечно, хочу. Помнишь, я приходила к вам в гости два года назад, ещё до того, как твой папа... ну, когда ещё у вас на ужин была курица.

Лариса не помнила. Ей вдруг стало неловко и страшно. Как Валя отреагирует, если мама вдруг решит выйти из комнаты с охапкой тетрадей в руках и начнёт рассказывать об этих своих чудовищах из другого мира? Останется тогда Лариса совсем без подруг.

— Пойдём, — пробормотала она. — Продукты доставят через полчаса. Как раз успеем подготовиться.

Дверь в собственную квартиру она открывала, стараясь не шуметь. Застыла на пороге, прислушалась. Мама второй день сидела дома, взяв отгул, но сейчас её не было слышно. Квартира была словно пустая.

Девочки быстро разулись, прошли на кухню. Валя забралась на табуретку у окна с ногами, взяла с блюдечка на столе печенье, захрустела.

— А твою маму можно вылечить? — спросила она.

— Не знаю. — Лариса включила чайник. Интересно, где мама хранит муку?

— Можно же погуглить симптомы, почитать на форумах. Давай погуглим, а? Интересно.

— Если мама сама не хочет, то зачем я буду?

— Помочь ей, вот зачем. Я читала, что многие больные на голову люди сами не понимают, что болеют.

— Больные на голову?

— Извини, — осеклась Валя. — Занесло меня. Но я о том, что ты можешь помочь, понимаешь?

Мука нашлась в шкафчике за банками с рисом и гречкой. Теперь нужен был миксер. Лариса не представляла, где он мог лежать. В другой ситу-

ации она бы пошла и спросила маму, но точно не сейчас.

— Давай ты составишь список симптомов, — продолжила Валя осторожно. — А я погуглю сама, если для тебя это, ну, морально сложно.

Миксер. Лариса не знала, что сейчас её больше разозлило — отсутствие миксера или Валины вопросы.

— Я не хочу составлять списки. Не сейчас. Давай просто приготовим шарлотку. Ты обещала помочь, вообще-то, вот и помогай. Нам нужно найти миксер.

Валя вскочила с табурета как ошпаренная. Вдвоём они минут десять выворачивали содержимое многочисленных шкафчиков в поисках проклятого миксера. Он обнаружился на самой нижней полке шкафчика у батареи, заваленный разобранными частями кухонного комбайна. Всё было покрыто пылью, мама давно не пользовалась ни комбайном, ни миксером.

В этот момент в дверь позвонили, и Лариса вспомнила о доставке продуктов. Она юркнула в коридор, заторопилась к входной двери, краем глаза заметив, как приоткрылась дверь в родительскую спальню. Только этого не хватало.

На лестничной площадке ждал молодой курьер с пакетами продуктов. Оценив ситуацию, он спросил:

— Помочь занести?

— Не нужно, спасибо. Справлюсь.

Пакеты были тяжёлые, но Лариса всё же перевалила их через порог и закрыла дверь. Обернулась. В метре от неё в коридоре стояла мама. Милая, родная мама, одетая в мягкую пижаму и в мягкие тапочки. Волосы растрёпаны, глаза навывкате, уголок нижней губы покусан до крови. В руке была зажата стопка тетрадей с зелёными обложками.

— Привет, солнышко, — пробормотала мама. — Кто-то важный приходил?

— Продукты принесли, — ответила Лариса, — На ужин.

— Милая, ты готовишь ужин?

— Ага. Шарлотка и, может, салат... У нас гости, моя подруга. Но она не любит слушать про пожирателей, поэтому, если хочешь, наведи порядок и приходи. Мам, наведи порядок в голове. Пожалуйста.

— Я хочу, — пробормотала мама, покусывая губу. Голова её резко дёрнулась, будто что-то заклинило в шее. — Я хочу, но пока не могу. Понимаешь, есть кое-какой прогресс. Я их засекала наконец. Вычислила.

— Кого? — Лариса заранее знала ответ. Теперь она хотела, чтобы мама просто вернулась в свою комнату и не выходила день, два, сколько нужно, пока не придёт в себя.

— Пожирателей. Этих, которые нас преследуют. Тебя, меня и других людей, сбежавших из Города Спящих. — Мама подняла перед собой тетради, встряхнула ими. — Они рядом. Я вычислила. Бродят по городу и вынюхивают. Не могу пока понять, что они там вынюхали, но... Рядом, моя дорогая.

— И что нам делать в таком случае?

Мама пожала плечами:

— Я не знаю. Мы не можем сбежать без папы. И победить их тоже не можем, не сейчас. У нас недостаточно сил. Вот если бы найти тоннель, откуда они выбрались в наш мир, я бы могла тогда взять грёзы, как папа...

Лариса увидела, как за спиной мамы приоткрылась дверь в кухню и в щели показалась любопытная мордашка Вали. Конечно, она слышала весь разговор. Может, для этого и напросилась в гости, чтобы подслушать, а потом посплетничать с другими одноклассницами? Это ведь весело, обсуждать Ларису и её сумасшедшую маму.

Неконтролируемая злость налетела сама собой. Лариса шагнула к маме и крепко взяла её за кисть:

— Пойдём, отведу тебя в комнату.

— Ты не понимаешь... — пробормотала мама. Вблизи её глаза казались страшными, готовыми вот-вот вывалиться из орбит. — Папа давно не

возвращался из путешествия. У нас из артефактов только гребень, зеркальце да медальон. Что мы можем с ними сделать? Пожиратели поймут нас в два счёта. Нужно найти тоннель. Там много грёз, много чёрных капелек!

Валя слушала, приоткрыв дверь в кухню ещё шире. То ли из-за неё, то ли из-за тараторящей матери Лариса разозлилась ещё больше и вдруг схватилась за тетради, пытаясь вырвать их из цепких скрюченных пальцев.

— Отдай их! Отдай сейчас же! Надоело! Я выброшу всё это, мама, выброшу!

На лице мамы отразилось изумление. Она не сопротивлялась, и тетради оказались в руке у Ларисы.

— Солнышко, — пробормотала мама. — Нельзя так...

— Ещё как можно.

— Это же инструкции. Это же наша защита.

— Нормальная мама — вот защита! А не безумная женщина, вроде тебя, которая даже ужин дочери забывает приготовить!

Лариса хотела обойти маму, чтобы... чтобы вышвырнуть тетради в окно, сжечь их или сотворить хоть что-то, что принесёт облегчение. Но теперь уже мама вдруг схватила её за запястье.

— Нет, милая! — вскрикнула она испуганно. — Не нужно этого делать!

— А я сделаю! Отпусти!

Лариса попыталась вырваться. Мама обхватила её, спеленала тонкими руками, прижала к себе. Лариса почувствовала, что от мамы странно пахнет. Будто бензином или соляжкой. Чем-то похожим...

— Смотри, — шепнула мама на ухо. Сухая ладонь плотно прижалась к Ларисину лбу. — Милая, милая, посмотри. Посмотри, посмотри, посмотри.

Лариса увидела старую полуразрушенную автозаправку. Она находилась на съезде из города, окружённая весенним лесом. Над деревьями тянулась тонкая полоска голубого весеннего неба. Редкие тёмные облака расползлись по нему, как пасущиеся барашки.

Лариса стояла на дороге у съезда. Босые пятки ощущали тепло асфальта. Прохладный ветер шевелил волосы

Странно. Всё было как будто наяву. Секунду назад она находилась в коридоре квартиры, а сейчас — на улице. Ларисе даже показалось, что она чувствует лёгкий запах гари, постоянно висящий в воздухе. Поговаривали, автозаправка взорвалась из-за утечки газа, пожар не могли потушить четыре дня. Так пахло от мамы только что. Секунду назад.

Это было излюбленное место школьников, как и любые полуразрушенные или недостроенные здания, которые притягивают внимание людей не хуже фильмов ужасов или американских горок. Но она никогда не ходила туда. Во-первых, не с кем, а во-вторых, мамины тетради с планами защиты от пожирателей и так неплохо пугали.

Туман обволакивал торчащие остовы стен, балки, кирпичные и бетонные перегородки, сочился сквозь дыры окон, повисал на гнутых арматурах и кусках черепицы и шифера.

Она открыла рот, чтобы позвать маму (*ты где?*), но звуков не было. Они будто тонули в тумане быстрее, чем вылетали изо рта.

Страх скользнул по затылку, между лопаток. Что за фокусы? Если Лариса каким-то образом действительно оказалась сейчас перед заправкой? Возможно такое?

(Мама, ты где?)

Очередная попытка закричать.

Лариса попробовала шагнуть вперёд и не смогла. Точно, сон. Только во сне охватывает подобное чувство беспомощности.

(Мама, вытащи меня отсюда!)

Что-то изменилось. Туман, поглотивший заправку, пришёл в движение, и вдруг со стороны въезда показался нечёткий силуэт. Лариса закрыла ладонью глаза от солнца, чтобы разглядеть.

Человек бежал, то и дело оглядываясь. Бежал беззвучно, будто туман сожрал звуки его шагов.

Это был Димка, одноклассник. Главный задира и хулиган, простоватый паренёк, хоть и не глупый. А ещё очень красивый. Первый в классе, на кого Лариса заглядывалась и о котором постоянно болтала с Валеёй. Жаль только, Димке не было дела до странноватой тихой девочки. Он если и обращал на неё внимание, то только чтобы пошутить про ведьму.

Димка кричал. Но криков не было слышно. Туман рвался вокруг него и метался извивающимися щупальцами.

Во внезапном порыве Лариса хотела побежать навстречу, помочь, но сон — ох уж этот вязкий реалистичный сон! — приковал к асфальту, облепил руки, ноги, голову, зажал рот влажной невидимой ладонью. Во сне невозможно было пошевелиться. Ларисе оставалось только наблюдать. Она чувствовала, как волоски на затылке встают дыбом. Кошмарный сон во всей красе, добро пожаловать.

Со стороны автозаправки показались ещё два силуэта. Они вышли из тумана, неторопливо, размеренно, будто не собирались ни за кем гнаться и никого пугать. Лариса их не знала. Пожилые люди, лет за шестьдесят или даже больше.

Старик, одетый в шерстяное пальто тёмно-сине-го цвета, держал над головой раскрытый зонт.

С зонта капали на землю тугие маслянистые чёрные капли. Будто нефть или смола. От удара о потрескавшийся асфальт они лопались, превращались на мгновение в кружащиеся завихрения чёрного дыма и тут же растворялись.

Старуха, тоже одетая в пальто, но другого, коричневого цвета, теребила пальцами ворот и улыбалась, приоткрыв рот. Между губ блестели такие же чёрные капли, падающие с подбородка на шерсть. В походке старухи было что-то звериное, будто идти только на ногах ей не нравилось, нужно было непременно помогать руками.

Лариса вскрикнула от страха. Это был единственный звук, раздавшийся в её сне. Звук, от которого пожилые люди вдруг посмотрели в её сторону. Две пары глаз встретились с её глазами. Лариса почувствовала, как страх проникает в каждую клетку тела, растекается по суставам, сковывает мышцы. Асфальт под ногами начал медленно трескаться, и из щелей стала растекаться густая чёрная жидкость. В масляных лужах собрались капли — они отрывались от вязкой массы и взлетали вверх. Дождь наоборот. Чёрный страшный дождь.

Димка тоже увидел Ларису, бежал к ней. Он беззвучно кричал, махал руками, то ли хотел предупредить о чём-то, то ли разгонял чёрный дождь, сыпавший снизу вверх вокруг него.

Пожилые люди остановились на развилке старой дороги. Старик поставил ногу на горку из разбитых кирпичей и резким движением взмахнул зонтом. Большие чёрные капли сорвались с острого кончика, пролетели несколько метров и ударили Димке в спину.

Димка споткнулся, потерял равновесие, упал, пропахав руками щербатую от мелких камешков и гальки землю. Он поднял голову, вперившись испуганным взглядом в Ларису.

В этот момент Ларису вышвырнуло из сна. Она едва не упала, но мама обхватила её, прислонила затылком к стене, принялась шептать на ухо что-то успокаивающее, убаюкивающее. По лбу и щекам катился пот. Лариса чувствовала сильный жар, вырывающийся из груди при каждом выдохе. Темнота коридора квартиры ослепила.

— Мама, мамочка, мама, что это было? — бормотала одними губами.

Холодные мамины пальцы гладили кожу. Сердце стучало в висках. В двери кухни стояла перепуганная Валя.

— Ты как будто в обморок упала, но стоя. Как будто в транс впала! — заявила она.

— Мама?

— Да, милая, да. Это из-за меня. Прости, но иначе не получилось бы. Я бы ни за что не

решилась, если бы не пожиратели, которые рядом. Они нас почти нашли. Тебя нашли. Пони-маешь?

— Они близко, мама, — пробормотала Лариса. — Они поймали моего одноклассника.

Ноги подкосились, она плавно съехала по стене и шлёпнулась на пол. Валя оказалась рядом, протянула стакан с водой. Мама смотрела, не мигая, в глаза Ларисы.

— Ты их видела, солнышко? — спросила она. — Сможешь описать? Это очень важно. Важнее всех моих записей и планов.

Сон рассыпался, оставив лишь липкие отростки в сознании. Самый яркий образ не желал уходить: полный ужаса взгляд Димки.

Что-то ещё цеплялось в мыслях. Какой-то острый крючочек не давал отмахнуться. Лариса выпила воды, откашлялась и пробормотала:

— Зонт и пальто. У них были вещи, которые я раньше видела.

Только вот где?

Люди попадают в грёзы внезапно и застывают, будто насекомое в капле янтаря.

Зиночке было четырнадцать, когда она провалилась в канализационный люк. Сначала бежала вдоль дороги, держа в руках охапку разноцветных шариков. Ей было весело — она уже не помнила

почему — хотелось смеяться и здороваться с каждым встречным. Велосипедисты махали ей, автомобилисты сигналили, а одна добрая женщина даже протянула большое спелое яблоко.

Зиночка свернула на перекрёстке и остановилась на светофоре. Вокруг неё было много людей. Солнечные зайчики прыгали по окнам многоэтажных домов. Шумно. Весело.

Загорелся зелёный. Кто-то толкнул Зиночку, торопясь перейти дорогу, и часть шариков выскользнула из её рук. Настроение сразу испортилось. Красный и зелёный шарик полетели по диагонали через дорогу, и Зиночка побежала за ними. Она кричала: «Стойте! Не улетайте!», будто верила в чудо.

В погоне за шариками девушка не заметила, как оказалась в переулке, свернула не туда, спрыгнула с парапета на крышку канализационного люка и полетела ногами вниз, как та Алиса в сказочную нору. Оставшиеся шарик выскользнули из рук.

Звуки оборвались резко. Короткая вспышка боли — и всё. Совсем всё.

Она беззвучно кричала в густой непроглядной черноте. Потом услышала мужской голос: «Поднимайся. Вон твоя парта».

Кажется, прозвенел звонок, как в школе.

Зиночке было четырнадцать, когда она пришла на свой первый урок в грёзах. Так и осталось на долгое-долгое время.

А Серёге за пять дней до попадания в грёзы исполнилось пятнадцать. Он ярко помнил день, когда предложил однокласснице Маше прогуляться вдоль новостроек. Подошёл, робея, на большой перемене, выдал из себя несколько нескладных слов, потому что никогда не умел общаться с девчонками. Маша шевельнула косами, усмехнулась, отказалась. Были у неё какие-то другие дела, неважные.

Оставшиеся уроки Серёга сидел ни жив ни мёртв. Он ощущал себя стойким оловянным солдатиком, погибающим в огне камина. Как в сказке. Ещё чуть-чуть — и превратится в лужицу расплавленного олова.

После школы Серёга не пошёл домой. Ноги несли его по улицам города в неизвестном направлении. Он шёл, опустив взгляд, сунув руки в карманы, из одного незнакомого района в другой. Вскоре закончились дома, потянулись гаражи и заборы, а потом асфальтированная дорога превратилась в колею, слева и справа выросли подсолнухи, а туфли покрылись пылью. В сентябре в этом городе всегда было невыносимо жарко.

Где-то тархтел комбайн и слышались голоса. Серёга не хотел никого видеть, поэтому нырнул в подсолнухи и пошёл вдоль толстых шершавых стеблей, не разбирая пути. Он злился. И ещё — ненавидел себя и Машу. И ещё желал ей всякого, о чём впо-